

русского языка — во всем государстве» [15, л. 89]. Практически этот завет М. Н. Сперанского исполняется нами только сейчас: после четырех лет работы Комиссии по исторической лексикологии в план Института русского языка РАН вводится «Историческая лексикология русского языка», тема для межсекторского и межведомственного исполнения. Ко времени написания «Записки» в работе Комиссии по собиранию материалов для словаря древнерусского языка участвовали только московские ученые. Когда Словарная комиссия после слияния II и III Отделений получила свое помещение в Ленинграде (по Тучковской набережной, 2А), там стали накапливать и древнерусские словарные материалы. Однако научные заседания, где определялся состав предполагаемых для выборки источников, проходили в Москве, в помещении канцелярии ГИМа [16, л. 82]. В 1928 г. ленинградским членом Словарной комиссии, принимавшим материалы древнерусской подкомиссии, был Степан Григорьевич Бархударов. В 1929 г. в связи со смертью А. И. Соболевского руководством комиссии (подкомиссии) перешло полностью к М. Н. Сперанскому, которому был подотчетен принявший в 1934 г. дела по подкомиссии от С. Г. Бархударова Борис Александрович Ларин.

Его четкие регистрационные записи в тетради о поступлении материалов от расписчиков, в том числе и московских, и заведенная им картотека источников с условными сокращениями сохранили для нас ценные сведения о вкладе М. Н. Сперанского в создание основанной на выборке ярчайших контекстов «Картотеки ДРС». Картотеку СлРЯ XI—XVII вв. в научных и исторических работах и сейчас еще традиционно именуют Картотекой ДРС (КДРС XI—XVII вв.) — в отличие от вновь созданной в Москве Картотеки СДР XI—XIV вв., на материалах которой издают Древнерусский словарь XI—XIV вв. (1988, т. I—III). В основе создания этих картотек лежат разные принципы, определившие и разные методы их подготовки. КДРС XI—XVII вв. создавалась отчасти выборочным способом на широком круге памятников (более 2000 позиций) и пополнение ее продолжается. КСДР XI—XIV вв. — на отобранном круге древнейших источников в списках, не выходящих за пределы XIV—XV вв., способом сплошного расписывания, так, чтобы учитывая статистически ее данные, можно было следить не только за лексическими изменениями, но и за движением грамматических форм. То есть последняя служит скорее опорной базой для исторической грамматики, исторической морфологии древнейшего периода, когда вычленение собственно русского в языке не было выражено столь ярко. КДРС XI—XVII вв. имеет в своем составе широко представленный уникальный материал XV—XVII вв. — периода формирования собственно русского национального самосознания. Благодаря выборке в ней нет балластных зон, она имеет самую высокую лексическую плотность на каждую тысячу карточек и служит надежной базой исторической лексикологии русского языка, как и замыслил М. Н. Сперанский (подробнее см. [16—18]).

С 1921 по 1929 гг. Сперанским как руководителем ОР ГИМ были предприняты составление алфавитно-систематического каталога и полная поштатейная роспись сборников, входящих в различные рукописные собрания ГИМа. В процессе этих работ проходил отбор отдельных источников для издания или для выписки контекстов для древнерусского словаря.

В ЦГАЛИ в фонде № 439 М. Н. Сперанского значится и статья «О составлении древнерусского словаря», где он ставит вопрос о роли старинных словарей, об особенностях выборки из них сравнительно с выборкой из остальных текстов.

С середины 20-х годов до середины 30-х М. Н. Сперанским лично было расписано для КДРС более 100 позиций источников. Многие сотрудники РО ГИМа и РО ГБЛ принимали участие в выборке: А. Д. Седельников (около 40 позиций), М. В. Щепкина, Н. П. Попов, В. Ф. Ржига, В. Д. Бубнов и др.

К этому времени М. Н. Сперанский упоминает уже как расписанную А. М. Се-лищевым Грамматику Лудольфа 1696 г. Разбор этих проблем он ведет на конкретной лексике из словаря XVII в. собрания Е. В. Барсова № 2313 и № 2315. Впоследствии, как мы знаем, эта тема старинных словарей стала докторским